

DOI: 10.31696/S086919080039567-0

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ИНДИИ, КИТАЯ И РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИКС¹

© 2026

О.С. КОЧЕРОВ ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-2745-5991; o.s.kocherov@spbu.ru

Резюме: Несмотря на то что стратегическая культура и стратегическая коммуникация являются близкими концепциями, их связь фактически не освещена в тематических исследованиях. Эти концепции демонстрируют сближение в условиях нарративного поворота в теории стратегической культуры и повышенного внимания к межкультурному измерению стратегической коммуникации. При этом, если на уровнях слов и образов отношения между ними продуктивны, зазор между символическим дискурсом и стратегическим поведением, могущий проявляться в стратегической культуре, негативно влияет на стратегическую коммуникацию, подразумевающую синхронизацию между нарративами и действиями, особенно в рамках такого культурально гетерогенного объединения, как БРИКС. Другой проблемой становится слабая теоретизированность стратегической культуры, которая может приводить к эссенциализации (как демонизации, так и идеализации), становящейся преградой для поиска продуктивных в плане межкультурного взаимодействия элементов. Наконец, концепция стратегической культуры может применяться для легитимации определённых форм взаимодействия с другими акторами. Анализ трёх стратегических культур объединения (Россия, Индия, Китай), основанный на сочетании психологического и нарративного подходов, демонстрирует, что в каждом случае есть культуральные факторы, негативно влияющие на стратегическую коммуникацию этих акторов. Так, Россия склонна к применению силовой модели коммуникации и с большим подозрением относится к действиям в своей сфере интересов. Китай часто концептуализируется как дуалистичный актор, предпочитающий методы непрямого воздействия, а попытки идеализации китайской стратегической культуры китайскими исследователями оказываются неэффективными в условиях повсеместной распространённости западных нарративов о ползучей экспансии КНР. Эффективность же стратегической коммуникации Индии оказывается под вопросом в связи с современным отходом от стратегического культурального принципа ахимсы и ростом националистических настроений в стране. Для координации различных стратегических культур и создания общей стратегической культуры БРИКС как широкого набора стратегических инструментов целесообразно использование методов межкультурной философии.

Ключевые слова: стратегическая культура, стратегическая коммуникация, стратегический нарратив, стратегическая субкультура, БРИКС, Россия, Китай, Индия

Для цитирования: Кочеров О.С. Стратегические культуры Индии, КНР и РФ в контексте стратегической коммуникации БРИКС. *Восток (Oriens)*. 2026. № 5. С. 107–118. DOI: 10.31696/S086919080039567-0

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00699, <https://rscf.ru/project/25-18-00699/>

STRATEGIC CULTURES OF CHINA, INDIA AND RUSSIA
IN THE CONTEXT OF BRICS STRATEGIC COMMUNICATION

© 2026

Oleg S. KOCHEROV ^a^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-2745-5991; o.s.kocherov@spbu.ru

Abstract: *Although strategic culture and strategic communication are closely related concepts, their relationship has remained largely unexplored. While their interaction can be productive, the gap between symbolic discourse and strategic behavior can negatively impact strategic communication, which implies synchronization between narratives and actions, especially within such a culturally heterogeneous association as BRICS. Another problem is the weak theorization of strategic culture, which can lead to essentialization (both demonization and idealization), which becomes an obstacle to the search for elements within cultures that can be employed in intercultural dialogue. Finally, strategic culture can be weaponized to legitimize certain forms of interaction with other actors. An analysis of three strategic cultures of BRICS (Russia, India, and China), based on a combination of psychological and narrative approaches, demonstrates that in each case, there are cultural factors that negatively impact these actors' strategic communication. Russia tends to employ a coercive communication model and is highly suspicious of actions within its sphere of interest. China is often conceptualized as a dualistic actor, preferring indirect influence, and attempts by Chinese scholars to idealize Chinese strategic culture prove ineffective amid the pervasiveness of Western narratives about China's creeping expansion. The effectiveness of India's strategic communication is questionable given its current retreat from the strategic cultural principle of ahimsa and the rise of nationalist sentiments within the country. To coordinate these diverse strategic cultures and create a common BRICS strategic culture as a broad set of strategic tools, it is advisable to use methods of intercultural philosophy.*

Keywords: strategic culture, strategic communication, strategic narrative, strategic subculture, BRICS, Russia, China, India

For citation: Kocherov O.S. Strategic Cultures of China, India and Russia in the Context of BRICS Strategic Communication. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 5. Pp. 107–118. DOI: 10.31696/S086919080039567-0

ВВЕДЕНИЕ

Тезис о том, что культура влияет на коммуникацию, уже давно не нуждается в доказательствах. Особую роль их связь приобретает при исследовании и конструировании стратегической коммуникации (СК) – проекции актором долгосрочных ценностей, интересов и целей в сознание определённой аудитории через адекватную синхронизацию слов, дел и образов для достижения конкретных стратегических задач [Bazarkina, Pashentsev, 2021, р. 68]. Культура влияет как на принятие акторами решений, отбор предпочитаемых форм и норм коммуникации и восприятие дел и слов других культуральных акторов, так и на содержание транслируемых сообщений и их рецепцию различными культуральными группами.

Не менее комплексным, но гораздо более проблематичным и трудноизмеримым является влияние культуры на политику. Одним из подходов к его изучению стала концепция стратегической культуры (СКу). По определению К. Грея, она представляет «совокупность

разделяемых членами общности убеждений, предположений, моделей поведения, проистекающих из общего опыта и принятых нарративов (в устной и письменной формах), которая определяет коллективную идентичность и отношения с другими группами и утверждает подходящие цели и средства в процессе обеспечения собственной безопасности» [Strategic, 2009, p. 9]. Хотя в большинстве исследований СК рассматривается её функционирование на уровне отдельных государств, она может формироваться и в различных международных организациях и объединениях. Тем не менее вопрос о том, насколько сейчас можно говорить о чётко оформленной СК таких объединений, как НАТО [Becker, 2025] или АСЕАН [Arif, 2025], остаётся дискуссионным.

При этом отношения между СК и СКУ остаются фактически неизученными. Представляется, что для столь неоднородных в культуральном плане объединений, как БРИКС, культура может оказаться как важнейшим фактором эффективной СК, так и серьёзной преградой на её пути.

Существуют различные мнения относительно того, как культуры стран БРИКС влияют на стратегический потенциал объединения. Согласно одной точке зрения, страны-участницы демонстрируют совершенно разные паттерны стратегического мышления, что серьёзно затрудняет их сотрудничество [Degaut, 2015, p. 21]. В ответ на это С. Богданов замечает, что различия в СКУ станут препятствием для БРИКС только если произойдёт существенная институционализация и иерархизация объединения. На современном же этапе культуральное разнообразие стран-участниц лишь положительно влияет на развитие БРИКС, поскольку способствует развитию инновационных подходов и стратегий взаимодействия [Bogdanov, 2019, p. 155].

В тематической литературе высказываются и различные мнения о совместимости СКУ конкретных стран БРИКС. Так, некоторые исследователи считают, что сотрудничество РФ и КНР ограничено в связи с различными приоритетами их СКУ [Staun, Sørensen, 2023]. Впрочем, распространён и тезис о том, что КНР и РФ демонстрируют как сходство «авторитарных» СКУ, так и общность стратегических интересов (прежде всего сопротивления западной модели мироустройства) [Rozman, 2014], в связи с чем конфликт между ними крайне маловероятен. Такое расхождение оценок обуславливает необходимость более детального рассмотрения связи между СК и СКУ, а также анализа СКУ стран БРИКС.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать СКУ трёх ключевых стран-участниц БРИКС (Индии, КНР и РФ) и определить, в какой мере их основные элементы могут стать преградой на пути к конструированию общей системы СК объединения. Хотя существуют работы, в которых рассматривается роль культуры в СК этих стран (см., например, [Zabella, Kong, 2026]), сравнительных исследований СКУ Индии, КНР и РФ (тем более их коммуникативного измерения) фактически нет.

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Хотя культура часто фигурирует в исследованиях СК, обычно это работы, посвящённые вопросам эффективного менеджмента частных и публичных компаний в мультикультурных контекстах. Так, речь часто идёт об «организационных культурах», под которыми понимается «совокупность коллективных структур знания, включая убеждения и ценности» [Johnston, Everett, 2014, p. 166]. В их рамках функционируют критерии культурального отбора («коммуникативной передачи культуральных вариантов через процесс принятия решений» [Johnston, Everett, 2014, p. 159]), которые влияют на итоговые нарративы и действия организации.

В исследованиях, посвящённых СК в международных отношениях, культура чаще всего упоминается в контексте миротворчества и международной помощи [Bellou, 2014]. При

этом анализируются в основном западные модели СК и функционирование западных стратегических нарративов в поликультуральных контекстах. Как отмечает Э. Амевор, крайне мало исследований посвящено тому, почему западный подход к СК, взятый на вооружение международными гуманитарными организациями, часто оказывается неэффективным в незападных культуральных регионах (например, в Африке) [Amevor, 2025].

Ряд исследований посвящён и вопросам культурального измерения СК международных организаций. В частности, исследователи СК БРИКС отмечают, что культуральный нарратив объединения остаётся тривиальным. Во многом это происходит потому, что сложно найти баланс между культуральным капиталом стран-участниц, особенно в условиях параллельного развития мощных тематических стратегических нарративов отдельными членами объединения (например, КНР своим проектом «Один пояс, один путь» заглушает гораздо менее развитые инициативы других стран) [Van Noort, 2018, p. 94]. Играют роль и сохраняющееся недоверие, и стратегическое соперничество между некоторыми участниками БРИКС, а также недостаток координации при проведении и освещении культурных мероприятий, часто выливающийся в конкуренцию за престиж, а не укрепление единства [Lee, Kornphetcharat, Sims, 2025]. Иными словами, исследование СКу стран-участниц объединения может поспособствовать устранению ряда противоречий между ними и созданию единой системы СК.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ТЕОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Несмотря на относительно давнее зарождение, СКу остаётся расплывчатой концепцией. Тем не менее современные исследователи (представители «четвёртого поколения») в целом достигли согласия относительно ряда её аспектов.

Во-первых, если первое поколение исследователей СКу делало акцент на как рационализированных, так и подсознательных убеждениях политической элиты, внимание исследователей «четвёртого поколения» привлекают именно нарративы. Нарративы встроены в СКу по меньшей мере в двух отношениях. С одной стороны, политические элиты усваивают СКу через знакомство с её основополагающими текстами и их ведущими интерпретациями. С другой стороны, элиты сами порождают нарративы, которые воспроизводят, и одновременно с этим реинтерпретируют СКу и тем самым влияют на имеющиеся стратегические выборы. Вместе с тем традиционный подход к СКу (СКу как набор сознательных и подсознательных установок) продолжает пользоваться популярностью.

Во-вторых, в культуре функционируют различные стратегические нарративы, которые отражают интересы и воззрения различных стратегических субкультур, конкурирующих друг с другом за влияние на процесс принятия внешнеполитических решений [Heuser, 2023, p. 21]. Но хотя такая концептуализация СКу позволяет раскрыть её комплексный характер и избежать банализирующих её генерализаций, она порождает и новые методологические проблемы, связанные с тем, как идентифицировать эти субкультуры и концептуализировать отношения между ними (радикальная ли это конкуренция диаметрально противоположных взглядов, или же у них есть общее «стратегическое ядро»).

Акцент на нарративах является важным сближающим фактором между СК и СКу. В нарративах тесно переплетаются идентичность и стратегические предпочтения, в связи с чем они могут находить отклик у реципиентов как по культуральным, так и по стратегическим причинам. Исследования СК показывают, что нарративы, резонирующие с представлениями аудитории об онтологической безопасности, более успешно воспринимаются реципиентами [Colley, van Noort, 2022]. Это можно объяснить тем, что коммуникация представляет собой не только передачу информации, но и своеобразный ритуал,

который формирует сообщество на основе разделяемых его членами смыслов и ценностей и одновременно с этим приписывает фрагментам бытия определённые интерпретации. Успешная межкультурная СК тем более должна являться актом совместного творения [Botan, 2017, p. 167–174].

СК и СКу связаны не только на уровне слов, но и на уровне образов (символов). Для прояснения этой связи обратимся к определению СКу, данному А. Джонстоном: «система символов (например, структур аргументации, языков, аналогий, метафор), которая устанавливает распространённые долгосрочные стратегические предпочтения через концептуализацию роли и эффективности военных сил в международных отношениях и через придание этой концептуализации такой истинности, что предписываемые ей стратегические предпочтения кажутся неизменно реалистичными и эффективными» [Johnston, 1995, p. 110]. Иными словами, и СК, и СКу в своём функционировании опираются на разнообразные символы (хотя и несколько разного порядка), которые должны резонировать с реципиентом. В связи с этим весьма перспективным пересечением исследований СКу и СК представляется анализ образов «Другого», воплощающих восприятие актором международной среды (см., например, [Воротников, Панков, 2025]).

В то же время на уровне действий СК и СКу вступают в крайне непростые отношения. Важным методологическим вопросом для всех поколений теории СКу является проблема разграничения между СКу и стратегическим поведением. А. Джонстон отмечает, что политическое поведение акторов далеко не всегда совпадает со стратегическим дискурсом, в связи с чем последний носит во многом символический характер. Это не означает, что у него нет функций: он используется для подкрепления общественных представлений о легитимности и компетентности политических элит, для устрашения противника и предотвращения его агрессии, для критики стратегических альтернатив и укрепления солидарности в обществе [Johnston, 1998, p. 55–57]. Разграничение между СКу и стратегическим поведением вылилось в полемику между Джонстоном и К. Греем, который считает, что два этих феномена неотделимы друг от друга, поскольку культура неизменно является контекстом принятия политических решений [Gray, 1999]. Хотя их позиции в определённой степени сближаются через постулирование различных стратегических субкультур, которые могут порождать противоречия между нарративами и деятельностью [Bloomfield, 2012], спор о методологической сущности и верифицируемости теории СКу далёк от завершения.

Если СКу действительно присущ зазор между символическим дискурсом и стратегическим поведением, она вступает в столкновение с самой сутью СК. В связи с этим весьма показательным, что многие современные исследователи СКу заявляют о необходимости анализа и слов, и дел [Skak, 2023, p. 166–167] как сфер проявления СКу.

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ИНДИИ, КНР И РФ

Теория СКу на данный момент не располагает единым инструментарием для её анализа (тем более сравнительного). Исследователи предлагают различные методы: дискурс-анализ и контент-анализ, кросс-культурный, семантический и семиотический анализ, изучение документов [Белозёров, 2022, с. 40] и т. д. Ситуация осложняется тем, что, как было сказано ранее, нарративный подход к СКу конкурирует с психологическим (СКу как набор установок).

На наш взгляд, психологический подход проблематичен по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, он чреват эссенциализацией – приписыванием носителям культуры ограниченного и неизменного набора качеств и стратегических предпочтений. Сама по себе

эссенциализация довольно часто используется в официальных нарративах политической элиты в качестве базового способа создания позитивного образа культуры. Но при этом, как справедливо отмечает американский политолог У. Уолфорт, часто исследователи СКУ настолько проникаются ей, что фактически начинают некритически воспроизводить нарративы властей этой страны [Сушенцов, 2020, с. 374]. Эссенциализация чревата не только тем, что из-за неё СК будет направлена не на реальных носителей культуры, а на коллективный стереотипный образ, но и тем, что она значительно сужает творческий потенциал культуры как источника норм и подходов к решению проблем. К примеру, некритическое согласие с тезисом о том, что китайская или индийская культуры являются исключительно пацифистскими, лишь преграждает нам путь к использованию их интеллектуальных ресурсов (например, китайской прото-концепции справедливой войны [Рыков, Кочеров, 2024]).

Во-вторых, результаты анализа, полученные при помощи психологической интерпретации СКУ, крайне легко использовать для манипуляций. К примеру, в некоторых западных исследованиях утверждается, что для российской и китайской СКУ характерен акцент на информационную и политическую войну, которые они на настоящем этапе используют в борьбе против демократии [Paterson, Hanley, 2020]. Иными словами, сама теория СКУ может быть использована как «зловредный» стратегический нарратив, приписывающий описываемому актору определённые качества и интерпретации его действий и тем самым легитимизирующий определённые формы взаимодействия с ним.

В связи с этим в дальнейшем кратком обзоре СКУ РФ, КНР и Индии в контексте их потенциального влияния на СК БРИКС мы проанализируем то, какие основные паттерны стратегического культурального мышления этих стран выделяются в тематической литературе.

РОССИЯ

При описании российской СК акцент обычно делается не на ключевые тексты отечественной интеллектуальной традиции, а на геополитические факторы. По мнению китайского исследователя Циня Личжи, протяжённость границ российского государства и хроническая нехватка возможностей по их обороне, часто выливающаяся во вторжения неприятеля, привели к тому, что основным драйвером СКУ стал страх перед внешними угрозами [Qin, 2022]. Это привело к широкой распространённости реалистского мышления: опоре на армию, стремлению к стратегической автономии и созданию благоприятной внешнеполитической обстановки (прежде всего через установление влияния в регионе и создание буферных зон), а также убеждённости в том, что безопасность государства зависит от его места и статуса в международном порядке. Цинь также считает, что для российской СКУ характерна экспансионистская модель: безопасность тесно увязывается с расширением границ и контролем над стратегически важными геополитическими объектами. Хотя этот аспект СКУ может потенциально привести к конфликту между РФ и КНР, по мнению исследователя, это маловероятно в силу приоритизации Китаем оборонительной стратегии и его нежелания осуществлять экспансию в буферную зону [Qin, 2022, p. 385]. Эти же элементы во многом проявляются и в новых сферах (например, в информационной [Kari, Rynnöniemi, 2023]).

Другой важной чертой российской СКУ является её тесная диалектическая взаимосвязь с Западом, который концептуализируется ей как «значимый Иной» [Dagi, 2025]. С одной стороны, Россия ожидает от Запада признания своего статуса в качестве равноправной державы. С другой стороны, с Запада часто исходит онтологическая угроза существованию России. Последняя итерация этой угрозы, проявившаяся в секьюритизации

Россией расширения НАТО на восток и цветных революций [German, 2020] и восприятии Западом российского стремления сохранить сферу своего влияния как анахронизма, завела российско-американские отношения в тупик [Вершинин, Кривопапов, 2023, с. 96–97]. Неприятие Западом России повлияло на её самоидентификацию и видение исторической роли как защитника русского мира, христианских и традиционных ценностей от западных стран, предавших их.

Важным источником российской СКу являются воззрения советского руководства: представления о допустимости всех средств борьбы против мирового империализма, приоритет стратегического над политическим [Вершинин, Кривопапов, 2023] и серьёзная ограниченность круга политических агентов, склонность к нахождению скрытых смыслов и мотивов в сообщениях и действиях других акторов (что, в частности, обуславливает акцент советской СКу на разведке и контрразведке), а также обеспечение собственной безопасности через устрашение потенциальных неприятелей [Skak, 2023, p. 165–166].

Наконец, ещё одной особенностью российской СКу (или, по крайней мере, её исследований) является то, что в ней фактически не выделяется субкультур. Т. Герман считает, что во время правления Горбачёва мейнстримная российская милитантная субкультура утратила свои позиции, и на передний план вышла субкультура, более склонная к кооперации с Западом [German, 2020, p. 8]. Тем не менее в большинстве случаев российская СКу описывается через взаимодействие президента с силовыми структурами (Росгвардия, Генштаб).

Таким образом, РФ обычно концептуализируется как страна, склонная к силовому подходу в коммуникации, что обусловлено её чувством собственной онтологической уязвимости из-за «тирании географии». Негативно на СК РФ может влиять и подозрительность к нарративам и действиям других акторов, особенно в сфере традиционного влияния РФ. Эти факторы в определённой степени объясняют слабую оформленность СК в современной российской внешнеполитической деятельности.

КНР

Китайская СКу наряду с российской является одним из наиболее популярных направлений тематических исследований. Объясняется это не только удельным весом КНР на современной международной арене, но и древностью китайской традиции. Классическая китайская философия, в большинстве работ рассматриваемая как основной источник китайской СКу, сформировала множество стратегических принципов: от важности нравственности в политических отношениях до акцента на непрямых методах воздействия на оппонента и особых форм концептуализации внешнеполитического пространства (квазиданнической системы, формирующей геокультурный ландшафт). При этом стратегические конструкты, появившиеся во время прихода в Китай марксизма (например, «активная оборона», «народная война» и т.д.), во многом являются не столько новым пластом СКу, сколько творческим переосмыслением традиционного наследия, особо ярко проявляющимся при лидерстве Си Цзиньпина в концепции «второй интеграции» (*ди эр ээ цзехэ* 第二个结合): интеграции марксизма с элементами китайской культуры.

В целом же исследования китайской СКу часто делают акцент на её дуалистичности. Этот дуализм проявляется уже в спектре её интерпретаций исследователями: для многих работ характерна либо демонизация китайской стратегии (во многом наследующая ориенталистскому подходу к изучению незападных культур), либо её идеализация (характерная для многих китайских исследователей [Кожухова, 2021, с. 138–139] и, возможно, возникшая как реакция как дискурсивную агрессию со стороны Запада).

Так, А. Джонстон утверждал, что китайская традиция представлена двумя парадигмами: реалполитической (*parabellum*), которая определяла стратегическое поведение китайской политической элиты на протяжении всей истории, и конфуцианской, являющейся символической, номинально легитимирующей реальные политические решения [Johnston, 1998]. Работа Джонстона подверглась критике за чрезмерное упрощение китайской СКУ (в частности, за игнорирование иных течений китайской классической мысли – например, даосизма [Graaf, 1999]). В то же время многие исследователи китайской СКУ продолжают придерживаться интерпретации Джонстона. Так, по мнению Э. Скобеллы, китайские политические лидеры одновременно реализуют политический курс в духе реализма, но при этом неизменно концептуализируют его как оборонительный, доказывая это ссылками на конфуцианство [Scobell, 2003].

В некоторых исследованиях китайской СКУ [Munro, 2023] представлен более продуктивный дуализм, который позволяет описать её через ряд пар: унижение и величие (историческая память о полуколониальной зависимости Китая от западных держав, обуславливающая приверженность КНР принципам незыблемости суверенитета и невмешательства во внутренние дела других акторов, а также стремление к обретению достойного статуса в международной системе), развитие и равенство (экономический курс КНР, который встраивается в более фундаментальный вопрос о взаимоотношении китайской модели с западной), свобода и порядок и т. д. В то же время даже такой дуализм едва ли может передать разнообразие политико-культурного ландшафта Китая и специфику влияния различных групп интересов на процесс принятия решений.

В целом распространённость представлений о дуалистичности Китая также негативно сказывается на его СК, особенно в условиях продвижения Западом нарративов о ползучей экспансии КНР и имперских амбициях Пекина. Попытки китайских исследователей защитить свою традицию от этой дискурсивной агрессии через идеализацию первой пока едва ли можно назвать успешными.

ИНДИЯ

Дискуссии об индийской СКУ начались во многом с эссе политолога Дж. Танхама [Tanham, 1996], в котором высказывалась мысль об отсутствии у Индии стратегического мышления, обусловленном историко-культурным опытом страны. Этот тезис привёл к всплеску интереса к СКУ как в самой Индии, так и вне её.

Исследователи выделяют в индийской традиции по меньшей мере три основных источника влияния на СКУ:

Индуистский литературный канон. Он представлен, во-первых, традицией *артха-шастр*, которая, по мнению современных исследователей индийской философии, может считаться связующим звеном между древнеиндийскими религиозными и политическими текстами [Kamal, 2022, р. xxvi]; во-вторых, более идеалистической по сравнению с *артха-шастрами* традицией, заложенной Буддой и развитой М. Ганди [Дего, 2020, с. 230];

Национальное освободительное движение (синтез индийской мысли и западной философии);

Американский политический дискурс и его институционализация (терминология теории международных отношений, аналитические центры и т. д.) [Beitelmair-Berini, 2017, р. 104].

Эти источники повлияли на формирование основных компонентов индийской СКУ (её «ядра») – сдержанности, амбивалентности и стратегической автономии. Первый, тесно связанный с принципом ненасилия (*ахимса*), подразумевает нежелание использовать военную силу, а в тех случаях, когда это необходимо – отказ от конвертирования успехов

на поле боя в долгосрочные стратегические преимущества. Второй компонент означает отсутствие чётко выраженных на доктринальном уровне стратегических принципов (что можно объяснить как нежеланием индийской политической элиты ограничивать себя в стратегическом выборе, так и традиционным акцентом на устную культуру в индийской традиции). Третий, проистекающий из опыта движения неприсоединения, подразумевает независимый внешнеполитический курс, особенно в отношении других великих держав (прежде всего США) [Chaya, 2022, p. 20–21]. По мнению исследователя индийской СКУ К. Камала, эти компоненты отражают индийскую приверженность приспособительной и оборонительной стратегиям, заложенную уже в «Артхашастре» Каутильи [Kamal, 2022, p. 213].

В тематических работах также выделяется несколько основных стратегических субкультур: «нерувианисты», выступающие за стратегическую автономию и сдержанный внешнеполитический курс; турбонационалисты, считающие необходимым усиление Индии и более активную роль на мировой арене; левые, стремящиеся к сближению со странами Глобального Юга, и либеральные глобалисты, приоритизирующие торговлю и дипломатию, а также отношения с Западом. [Beitelmair-Berini, 2017]. Хотя в целом все эти субкультуры придерживаются принципов, составляющих ядро индийской СКУ, некоторые исследователи [Pervez, 2023, p. 321] считают, что на современном этапе происходит отход от принципов *ахимсы* в сторону более активной националистической политики. В условиях приверженности Индии принципу стратегической амбивалентности такая политическая динамика едва ли поспособствует эффективности СК Индии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БРИКС

Проведённый краткий анализ при всех его ограничениях демонстрирует, что СКУ стран БРИКС не являются несопоставимыми и тем более не диктуют членам объединения логику неизбежного конфликта между ними. При этом необходимы дальнейшие исследования, которые, с одной стороны, будут закрывать лакуны в имеющихся данных (например, анализировать практически не изученные стратегические культуры Эфиопии, Египта, Южной Африки) и корректировать нынешние выводы (например, вопрос о наличии в российской стратегической культуре субкультур). Безусловно, крайне важно (особенно в связи с расширением объединения в 2024 г.) изучение вопроса о том, как СКУ отдельных стран-участниц влияют на принятие решений самого БРИКС. Вместе с тем в рассмотренных стратегических культурах содержатся элементы, могущие вступить друг с другом в противоречие и негативно сказаться на коммуникации между странами. Тем не менее, поскольку СКУ не статичны, адекватно сконструированная СК может не только повысить доверие между акторами, но и предоставить им альтернативные инструменты для реализации своих традиционных стратегических целей.

В связи с этим БРИКС необходимо активизировать изучение СКУ членов объединения, при этом избегая как идеализации, так и чрезмерной опоры на зачастую неотрефлексированные западные методы анализа. Важным инструментом здесь может стать межкультурная философия – подход, в рамках которого разрабатываются методы равноправного взаимодействия и творческого синтеза различных философских традиций. Хотя уже существуют различные исследования по смежным темам с применением этого метода (см., например, [Demenchonok, 2024]), эпистемическому сообществу БРИКС предстоит серьёзная работа по картографированию и классифицированию стратегического многообразия их культур.

Целью-максимум на этом направлении сотрудничества стран-участниц объединения может быть создание общей СКУ БРИКС. На наш взгляд, синхронизация СКУ различных

стран-участниц БРИКС предоставила бы объединению широчайший набор стратегических инструментов и значительно поспособствовала бы эффективности СК БРИКС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белозёров В.К. Методы анализа стратегических культур. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 5. С. 29–49 [Belozerov V.K. Methods of Analysis of Strategic Cultures. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 29–49 (in Russian)].

Вершинин А.А., Кривопалов А.А. Российская стратегическая культура: опыт исторической ретроспективы. *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 6. С. 80–98 [Vershinin A.A., Krivopalov A.A. Russian Strategic Culture in Retrospect. *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 6. Pp. 80–98 (in Russian)].

Воротников В.В., Панков Е.С. Визуальное измерение архетипов стратегической культуры Исландии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2025. Т. 18. № 2. С. 44–68 [Vorotnikov V.V., Pankov E.S. Archetypes of Icelandic Strategic Culture: A Visual Analysis. *MGIMO Review of International Relations*. 2025. Vol. 18. No. 2. Pp. 44–68 (in Russian)].

Дего М. Прыгающий ягуар, крадущийся тигр: сравнение стратегических культур Бразилии и Индии. *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 3. С. 223–247 [Degaut M. Leaping Jaguar, Crouching Tiger: Comparing the Strategic Culture of Brazil and India. *International Organisations Research Journal*. 2020. Vol. 15. No. 3. Pp. 223–247 (in Russian)].

Кожухова К.Е. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 136–144 [Kozhukhova K.E. Strategic Culture in Chinese Scientific Discourse. *Far Eastern Affairs*. 2021. No. 3. Pp. 136–144 (in Russian)].

Рыков С.Ю., Кочеров О.С. Концепция гуманитарной интервенции в древнекитайской философии и в современном дискурсе КНР. *Полис. Политические исследования*. 2024. № 6. С. 122–139 [Rykov S.Yu., Kocherov O.S. The Concept of Humanitarian Intervention in Ancient Chinese Philosophy and Contemporary Chinese Discourse. *Polis. Political Studies*. 2024. No. 6. Pp. 122–139 (in Russian)].

Сушенцов А.А. Внешняя политика России и стратегическая культура: диалог с Уильямом Уолфортом об исследовательской парадигме. *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 2. С. 369–381 [Sushentsov A. Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm. *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. No. 2. Pp. 369–381 (in Russian)].

Amevor E.B. Culture-Centered Strategic Communication for Sustainable International Development in Africa. *International Journal of Strategic Communication*. 2025. Pp. 1–23.

Arif M. Strategic Culture and Threat Perception: ASEAN's Response to Great Power Rivalry in Indo-Pacific. *The Role of Threat Perceptions in International Relations*. V.M. Chotani (ed.) London: Routledge, 2025. Pp. 138–157.

Bazarkina D.Yu., Pashentsev E.N. BRICS Strategic Communication: The Present and the Future. *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. No. 3. Pp. 64–93.

Becker J. Strategic Culture. *The Oxford Handbook of NATO*. J. Sperling, M. Webber (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2025. Pp. 226–244.

Beitelmair-Berini B. Theorising Indian Strategic Culture (s): Taking Stock of a Controversial Debate. *Theorizing Indian Foreign Policy*. M. Hansel, R. Khan, M. Levaillant (eds.) London: Routledge, 2017. Pp. 91–111.

Bellou F. Cultural Awareness in Peace Operations: Effective Marketing or Strategic Communications. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. No. 148. Pp. 579–587.

Bloomfield A. Time to Move on: Reconceptualizing the Strategic Culture Debate. *Contemporary Security Policy*. 2012. Vol. 33. No. 3. Pp. 437–461.

Bogdanov S. Issues in the Development of the BRICS' Strategic Narrative. *International Organisations Research Journal*. 2019. Vol. 14. No. 2. Pp. 147–162.

Botan C.H. *Strategic Communication Theory and Practice: The Cocreational Model*. New York: John Wiley & Sons, 2017.

Chaya D. *India's Intelligence Culture and Strategic Surprises: Spying for South Block*. London: Routledge, 2022.

Colley T., van Noort C. *Strategic Narratives, Ontological Security and Global Policy*. Cham: Palgrave Studies in International Relations, 2022.

Dagi D. Reconstructing Russian Strategic Culture. *Journal of Strategic Security*. 2025. Vol. 18. No. 1. Pp. 21–35.

Degaut M. *Do the BRICS still Matter?* Washington: Center for Strategic & International Studies, 2015.

Demenchonok E. Russian Philosophy on the Problem of War and Peace and Intercultural Dialogue. *Revista Guillermo de Ockham*. 2024. Vol. 22. No. 1. Pp. 3–22.

German T. Harnessing Protest Potential: Russian Strategic Culture and the Colored Revolutions. *Contemporary Security Policy*. 2020. Vol. 41. No. 4. Pp. 541–563.

Graaf D.A. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton Studies in International History and Politics by Alastair Iain Johnston (Review). *China Review International*. 1997. Vol. 4. No. 2. Pp. 450–453.

Gray C.S. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes back. *Review of international studies*. 1999. Vol. 25. No. 1. Pp. 49–69.

Heuser B. The Conceptual Heritage of Strategic Culture and Collective Mentality. *Routledge Handbook of Strategic Culture*. K.M. Kartchner, B.D. Bowen, J.L. Johnson (eds.) London: Routledge, 2023. Pp. 17–30.

Johnston A.I. *Cultural realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese history*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Johnston A.I. Thinking about Strategic Culture. *International Security*. 1995. Vol. 19. No. 4. Pp. 32–64.

Johnston K.A., Everett J.L. Cultural Influences on Strategic Communication. *The Routledge Handbook of Strategic Communication*. D. Holtzhausen, A. Zerfass (eds.) London: Routledge, 2014. Pp. 157–171.

Kamal K. *Kautilya's Arthashastra: Strategic Cultural Roots of India's Contemporary Statecraft*. Routledge India, 2022.

Kari M.J., Pynnöniemi K. Theory of Strategic Culture: An Analytical Framework for Russian Cyber Threat Perception. *Journal of Strategic Studies*. 2023. Vol. 46. No. 1. Pp. 56–84.

Lee B. T. F., Kornphetcharat K., Sims J. P. Soft Power: BRICS Cultural Diplomacy and the Rebalancing of Global Narratives. *International Review of Humanities Studies*. 2025. Vol. 10. No. 2. Pp. 614–629.

Munro N. China's Identity through a Historical Lens. *Routledge Handbook of Strategic Culture*. K.M. Kartchner, B.D. Bowen, J.L. Johnson (eds.) London: Routledge, 2023. Pp. 179–192.

Paterson T., Hanley L. Political Warfare in the Digital Age: Cyber Subversion, Information Operations and 'Deep Fakes'. *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74. No. 4. Pp. 439–454.

Pervez M.S. Indian Strategic Culture: A Review Essay. *Routledge Handbook of Strategic Culture*. K.M. Kartchner, B.D. Bowen, J.L. Johnson (eds.) London: Routledge, 2023. Pp. 312–325.

Qin L. The Geopolitical Origins of Russian Strategic Culture and its Enlightenment in China. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 367–389.

Rozman G. *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations and East Versus West in the 2010s*. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2014.

Scobell A. *China's Use of Military Force: Beyond the Great Wall and the Long March*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Skak M. Russian Strategic Culture: A Critical Survey of the Literature. *Routledge Handbook of Strategic Culture*. K.M. Kartchner, B.D. Bowen, J.L. Johnson (eds.) London: Routledge, 2023. Pp. 164–178.

Staun J., Sørensen C.T.N. Incompatible Strategic Cultures Limit Russian-Chinese Strategic Cooperation in the Arctic. *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2023. Vol. 6. No. 1. Pp. 24–39.

Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction: Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking. J.L. Johnson, K.M. Kartchner, J.A. Larsen (eds.) New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Tanham G. Indian Strategic Thought: An Interpretive Essay. *Strategic Thought and Practice*. K. Bajpai, A. Mattoo (eds.) New Delhi: Manohar Publishers, 1996.

Van Noort C. BRICS Issue-narrative on Culture: Strategic or Trivial? *International Journal of Cultural Policy*. 2018. Vol. 24. No. 6. Pp. 786–797.

Zabella A.A., Kong X. The Role of Culture in China's Strategic Communication. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2026. Vol. 26. No. 1. Pp. 77–93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЧЕРОВ Олег Сергеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Oleg S. KOCHEROV, PhD (International Relations), Senior Research Fellow, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.